

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

Город, которого нет

НОСТАЛЬГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ
ИЗ СОВЕТСКОЙ ЖИЗНИ

Сергей Виноградов

**Город, которого нет.
Ностальгические заметки
из советской жизни**

«Издательские решения»

Виноградов С.

Город, которого нет. Ностальгические заметки из советской жизни / С. Виноградов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744165-4

Первая часть этой книги была опубликована в сборнике «Красное и белое». На литературном конкурсе «Арсис-2015» имени В. А. Рождественского, который прошёл в Тихвине в октябре 2015 года, очерк «Город, которого нет» признан лучшим в номинации «Публицистика». В книге публикуются также небольшой очерк о современном Тихвине: «Город, который есть» и подборка стихов «Город моей судьбы». Книга иллюстрирована фотографиями дореволюционного и современного периодов из личного архива автора.

ISBN 978-5-44-744165-4

© Виноградов С.
© Издательские решения

Содержание

Город, которого нет	7
Глава первая. Как я с Марксом познакомился	8
Глава вторая. Час коров	11
Глава третья. Кукурузники	14
Глава четвёртая. Балаболя	17
Глава пятая. Красноармейский рубеж	19
Глава шестая. Таборы	21
Глава седьмая. Мой книжный мир	23
Глава восьмая. Тимур и его команда	26
Глава девятая. Как мы в Тихвине «гуляли»	29
Глава десятая. Улицы, которых нет	32
Глава одиннадцатая. «Любовь» по переписке	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Город, которого нет

Ностальгические заметки

из советской жизни

Сергей Виноградов

Фотограф: Сергей Петрович Виноградов

Фотограф: Ольга Сергеевна Виноградова

Фотограф: Лидия Сергеевна Виноградова

Фотограф: Александр Александрович Виноградов

© Сергей Виноградов, 2017

ISBN 978-5-4474-4165-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие ко второму, исправленному и дополненному изданию

Публикуя первую часть этих ностальгических заметок в своём предыдущем сборнике «Красное и белое», я и не предполагал, что они вызовут интерес не только у моего внука, но и у куда большего круга людей, особенно тех, кто ещё помнит старый Тихвин и также ностальгически, как и я, вспоминает свои годы, проведённые вместе с ним. Поэтому решение продолжить и по возможности завершить свои детские воспоминания в одной книге, было отнюдь не спонтанным. Помню, как я начинал их писать. Это был 2006 год. Год, когда в нашей семье появился Саша, Шурик, Александр, мой единственный и любимый внук. Когда-то в моей детской жизни уже был маленький мальчик с таким же именем – это мой брат. Когда мне не было ещё и трёх лет, этот мальчик ушёл, оставив меня на долгие годы единственным ребёнком у мамы и папы.

И вот в год моего пятидесяти пятилетия я навсегда стал «дедей», дедушкой, дедом. Совсем скоро моему внуку будет уже десять! Самый возраст, когда уже вполне осмысленно начинаешь познавать окружающий мир. Ещё тогда, десятилетие назад, я решил, что одной из первых книжек, которые он обязательно должен прочитать, должна стать и эта тогда ещё даже не написанная. Скажу откровенно, писалась она тяжело, часто урывками, под настроение. Приходилось долго и напряжённо ворошить собственную память, чтобы не упустить главное, более важное за чередой интересных, но менее существенных событий. Сегодня первая часть написана и опубликована. И похоже, настал черёд продолжения. Уже не просто путешествия по городу детства, а в увязке с событиями и фактами, без которых жизнь тогдашних тихвинских мальчишек была бы куда менее значимой и интересной. Надеюсь, что вторая часть этих ностальгических заметок не окажется куда более скучной, чем их начало.

К сожалению, в моём личном архиве почти не сохранилось сделанных собственноручно фотографий дорогих и милых моему сердцу домов и людей. Но зато внука я не забываю фотографировать почти по каждому важному поводу. Есть здесь и совсем старые фотографии, но куда без них – это же и моя история тоже.

С внуком Сашей, которому и посвящена эта книга

Город, которого нет

Моему любимому внуку

Александру посвящаю

Как-то однажды меня спросили, помню ли я, как выглядела центральная улица нашего города лет 50—60 назад? Знаешь, честно говоря, не задумывался. Может быть, и помню... Помню, конечно! Ведь это улица, где я жил, на которой вырос. Это улица моего детства. А, говорят, детские воспоминания самые яркие, хотя, и по-детски субъективные. Так что уж не обессудь, если я, приглашая тебя в своё прошлое, что-то подзабуду, где-то допущу «топографическую» неточность. Всё-таки полвека прошло.

Тем более не хотелось бы связывать свои воспоминания одной лишь улицей, ведь и город-то наш был не столь велик, чтобы мы, мальчишки, не проникали в его самые «дальние» уголки, пусть иногда даже незваными гостями. Кроме «Марксы» были ещё «Пьяная деревня», «Конобоз», «Романиха», «Плаха». И ещё немало других местечек, названия которых тебе вообще не говорят ничего.

Глава первая. Как я с Марксом познакомился

Считается, что детские воспоминания до трехлетнего возраста навсегда стираются из нашей взрослой памяти. Может быть это и так, но какие-то особенно яркие моменты давно забытого детства, пусть фрагментарно, нет-нет, да и вспыхивают, как искорки в нашем сознании и не дают окончательно забыть, откуда мы и из какого времени...

Современная улица Карла Маркса. Торговый центр «Екатерининский». Мой внук тоже уже познакомился с «Марксом»

Не помню и я, когда именно впервые увидел эту, ставшую на долгие годы родной, улицу в полной своей «красе» и «блеске», какой она представлялась мне с высоты моей собственной чуть более чем полуметровой «колокольни». Но тогда она своей широтой и бесконечностью так очаровала меня, что казалось, я попал совсем в другой почти сказочный мир.

А вот и я – автор

Двухэтажные дома, действительно, выглядели дворцами из сказки, а деревянный мост через Вязитский ручей был, пожалуй, первым мостом в моей жизни, а потому сам ручей в моих глазах казался, чуть ли не могучей полноводной рекой. Что не метр, я открывал для себя что-то новое и ещё никогда не встречавшееся. Так, гордо восседая на каких-то тюках

посередине гроыхающей по булыжнику телеги, проследовал я из малюсенькой «избушки», навсегда оставшейся в прошлом где-то на улице Ивановской, в мою новую большую «марксистскую» жизнь.

Дом, в который мы переехали, был очень похож на соседние «дворцы-гиганты». Такой же огромный, высокий. И, главное, с большим парадным входом, выходящим ни куда-то во двор, а прямо под «ноги» проходим, спешащим по своим делам по пыльному тротуару центральной улицы. А ещё был у этого дома огромный, выше моего роста, палисадник, из-за которого пробивались настоящие заросли мелких – мелких ромашек. От дороги, по которой и притащила меня сюда невзрачная кобылка, дом отделяла поросшая травой и с явным присутствием лягушек, неизвестно где начинавшаяся и где заканчивавшаяся канава, которая в последствие не раз становилась местом многих моих детских неприятностей.

Это мои родители – Антонина Семёновна и Пётр Павлович

Но чего стоил сам дом, как я узнал значительно позже, построенный тогда, когда ещё моя бабушка была почти ребёнком, как я. А теперь, грузно поднимаясь по широкой лестнице на второй этаж, она о чем-то по привычке недовольно ворчала. Меня поразила даже не сама комната, рассчитанная, будто для царских балов, а двери – высотой не меньше, чем в четыре моих роста, распахивающиеся подобно вратам в каком-то королевском замке. Конечно, со временем весь этот сказочный антураж померк как-то само собой. Может потому, что я вырос? И комната казалась порой даже тесной, а квартира – самой обычной коммуналкой, причем одна из стен, отделявшая нас от соседей, вообще, была картонной, и я однажды умудрился даже процарапать в ней дыру, через которую мы потом часто перешептывались с моей такой же малолетней соседкой Танькой.

Вот из таких булыжников была вымощена главная дорога моей детской жизни. Момент дорожно-строительных работ на улице Карла Маркса

Однажды уже взрослым, я посмотрел прекрасный фильм «Покровские ворота», в котором была такая же коммуналка и такие же соседи, каждый со своей жизнью и очень многим общим, что делало всех нас почти, что одной семьей. Может потому, сегодня я с такой особой нежностью всегда вспоминаю этот дом и этих людей, которых тогда по своему малолетству я просто не делил на своих и чужих.

Так я вошёл в свои два или чуть больше года в эту новую для меня жизнь, полную открытий и разочарований, детских пустяшных слез и быстро забывающихся обид, чтобы прожить на этой улице почти полтора десятка лет. Самых главных лет моей жизни, без которых не было бы ни этих строк, ни ностальгических воспоминаний. Об одном лишь приходится сожалеть, что всё в нашей жизни проходит. И мы всегда что-то теряем, как потеряли и эту улицу. Ведь могли бы построить новый город где-то и в другом месте. А эта улица пусть бы так и жила себе тихой провинциальной жизнью...

Современная улица Карла Маркса.

Глава вторая. Час коров

Сегодня трудно представить себе стадо коров, неспешно бредущее по главной улице города, пощипывая при этом, ещё не сбросившую утреннюю росу, траву с придорожных газонов. Думаю, что некоторые дети (моего тогдашнего возраста), ныне подрастающие на улице Маркса, живую корову и в глаза-то не видели!

А ведь именно так – с мерного цоканья коровьих копыт по мощёной булыжником дороге, с перезвона колокольчиков на их шеях и редких окриков пастуха начиналось каждое летнее утро для всех, кто здесь жил.

Появляющееся неизвестно откуда, к концу своего путешествия в районе нынешнего здания администрации, (где коровы обычно располагались на свой дневной вольный постой), стадо стремительно обрастало всё новыми буренками. Ведь не держал корову в своем личном подворье, пожалуй, лишь ленивый. То тут, то там, раздавался привычный скрип ворот, и с радостным мычанием очередная пеструшка присоединялась к своим «подругам». И это, действительно, был час коров.

Их утреннюю идиллию лишь иногда нарушала своим тарыхтением какая-нибудь, не весть, откуда взявшаяся, «полуторка». Даже уличные собаки давно привыкли к подобному распорядку и мирно спали, как и не обремененные коровьими заботами, жильцы государственных двухэтажек, коих на улице и было то не больше десятка. К тому же час людей ещё не наступил.

По своему малолетству на коровью демонстрацию я чаще всего взирал с высоты второго этажа, уткнувшись носом в стекло наглухо закрытого окна. Каждое утро, едва заслышав знакомые, и ни с чем не сравнимые звуки, я, по мышиному тихо, выбирался из своей теплой постели и на цыпочках, чтобы не разбудить родителей, пробирался через огромную комнату к заветному окну. Даже людские шествия с изобилием портретов усатого вождя и монотонностью красных флагов, иногда проходившие по нашей улице в дни праздников, едва ли могли соперничать с этим мычащим «парадом» и всегда казались мне куда менее интересными.

Иногда по улице Карла Маркса и сегодня проходят демонстрации, но время коров окончательно прошло

Иногда, если конечно удавалось проскочить через «ночной дозор» моей всё видящей и всё слышащей бабушки, я мчался по крутой лестнице вниз на улицу, чтобы успеть, хотя бы помахать рукой вслед уходящему стаду. Уходящему со своим небритым «поводырем» куда-то туда, в далекий и по-детски таинственный для меня, свой коровий мир.

А вечером всё повторялось обратным порядком. Наполненных молоком «Машек» и «Дунек» с особым нетерпением ждали мы – дети из местных «высоток», во дворах которых самой крупной живностью были, пожалуй, лишь бодливые козы, да вечно путающиеся под ногами бегающей ребятни, куры. И вот уже в соседских дворах хозяйки гремели подояниками. На нашей улице начиналась вечерняя дойка.

И не удивительно, наверное, что самое яркое впечатление моего раннего детства это – парное молоко. Кажется, что вкус его я до сих пор ощущаю на губах. Вряд ли кто сегодня так часто пил его почти прямо «из-под коровы». Но, удовольствие это было, действительно, ни с чем несравнимое. А с выпитой кружкой молока завершался ещё один день в моей совсем ещё короткой жизни, чтобы завтра начать всё снова – с перезвона колокольчиков и мычания неспешно бредущего стада.

Теперь на месте «коровьего поля» появились вот такие красавцы дома. Так что место коров заняли люди

Глава третья. Кукурузники

Почему-то уверен, что нынешнее поколение молодежи никогда не ело хлеб из кукурузы. Не какие-нибудь современные экзотические лепешки ради собственного удовольствия, а именно хлеб, который, как говорится, всему голова. Кому-то покажется странным, что, вспоминая далёкие и вполне благополучные 60-е, я вдруг почему-то пишу о какой-то там кукурузе и «хлебных» очередях, которые сейчас ассоциируются у большинства лишь с ленинградской блокадой, знакомой только по учебникам и фильмам. Но так, действительно, было...

И главный «хлебный» магазин города находился именно на Карла Маркса. Находился он в старинном каменном здании, в двух шагах от площади Свободы, с незапамятных, видимо, времен и почти что до самого начала эпохи «рухнувшего социализма». Ещё совсем недавно здесь продавали детские игрушки. Но неуверен, что через год – другой его в очередной раз не переделают ещё во что-нибудь. Надеюсь, не менее полезное. На финише же уходящего советского времени это самое помещение кардинально менялось только раз – с буханок на бутылки, ибо и жидкий «хлеб» был в Тихвине тогда весьма востребован, как и по всей стране. И очереди здесь в дни горбачевской антиалкогольной кампании выглядели не менее внушительными, чем в период городского хлебного «кризиса» начала шестидесятых.

Вот тогда я впервые увидел, и усвоил своим детским умом, что такое хлебные карточки, потому что последние продовольственные талоны, отмененные в начале 50-х, в моей памяти не сохранились, тогда ведь я даже под стол пешком ещё не ходил.

И так. Была поздняя осень. В нашей гимназии (нынешний сервисный центр на углу улиц Маркса и Школьной) в тот год, нам, четвероклассникам, досталась вторая смена. Поэтому с раннего утра меня и пару моих друзей-соседей родители всегда командировали занимать хлебную очередь. Не помню как долго – две, три недели, месяц или больше нам доставалось это «удовольствие», но когда мы обычно добирались до магазина очередь, бывало, вытягивалась, чуть ли не до моста через Вязитский ручей. Правда, на другом его берегу, через дом, находился еще один магазин, где также торговали хлебом. Но то, что в «Лесном» (так его называли все, потому что он принадлежал какому-то лесному ведомству) можно было быстрее и надежнее отовариться, гарантии не было никакой. Как не было и очередей.

На первом этаже этого здания находился тот самый «Шиженский» магазин, куда мы ходили за «кукурузным хлебом»

Но зато в нашей очереди обязательно можно было узнать что-нибудь интересное, о чем в школе почему-то не рассказывали. Именно здесь мы впервые узнали, что «Хлебный» старики называют ещё «Шиженским». Потому что хозяином этого дома до революции был богатый тихвинский купец Шиженский. Но даже если и не купец, то всё равно персона важная – не все тогда в Тихвине жили в каменных домах, да ещё почти в городском центре. А ещё по «большому секрету» мы узнали, что даже в царские времена хлебом из кукурузы народ не кормили. И всё равно, сейчас я эти кукурузные буханки вспоминаю с ностальгией. Настолько они были огромными и пышными...

В начале 60-х годов на месте этих кустов мы сажали кукурузу. Очень полезное для страны занятие было!

Потом всех нас, «марксистов», перевели в новую школу как раз на нашей улице. Она с годами, между прочим, ничуть не изменилась, если только кирпичные стены слегка потемнели, да разукрасились кое-где произведениями современных «графитчиков». Но зато пришкольная территория, выходящая как раз на Маркса, увы, навсегда потеряла свое кукурузное величие хрущевского периода борьбы за урожай «зерновых». Ведь все мы тогда в прямом смысле превратились в «кукурузников». Видимо, Никите Сергеевичу тоже кукурузный хлеб очень нравился! Сегодня, об этом можно вспоминать, пожалуй, только с улыбкой, но пару летних сезонов буквально все ученики были «мобилизованы» на выращивание «второго» хлеба. Даже к центральному входу в школу, особенно в первые сентябрьские дни, приходилось продираться, словно через джунгли. Такие вот были здесь двухметровые кукурузные заросли. Правда, наша «ботаничка» почему-то всё удивлялась, что ни одного початка так и не выросло – видимо, климат у нас не кукурузный. Конечно, где уж им быть! А мы на что были? Тем более и жили рядом. Вот только вкус свежих кукурузных початков того времени не помню...

И хотя кукуруза теперь здесь не растёт, но зато на школьных газонах растут одуванчики...

Глава четвёртая. Балаболя

Видимо потому, что мои самые лучшие детские годы прошли в коридорах не своего, а соседнего дома, где невидимо витал творческий дух, я и стал тем, кем стал – писателем вот этих ностальгических строк.

Дом №45 на улице Карла Маркса – здесь проходили все мои детские представления «театра одного актёра»

Но тогда я был всего лишь маленьким любопытным «исследователем» большого «зеленого» дома на улице Карла Маркса, не придавая при этом никакого значения, что где-то там, в одной из неизвестных мне квартир ещё задолго до моего рождения в 1918 году проходили заседания редколлегии первой тихвинской газеты «Наш край», где жил тогда редактор газеты Исаакий Петрович Мордвинов – известный краевед и журналист. Мы же тогда были увлечены не журналистикой (да и слова такого не знали), а самым настоящим театром. А мои «спектакли» тогда смотрели оказывается не только дети из этого дома, но и до сих пор жившие там родственники самого Исаакия Петровича!

Теперь я учу «балаболить» своего внука. Выступление на Рождественском поэтическом вечере в Полковой церкви дома-музея Н.А.Римского-Корсакова. 6 января 2016 года

Огромная, почти «парадная» лестница на второй этаж ребятне со всей округи заменяла самый настоящий театральный «зал», где внизу на «сцене» и происходило всё лицедейство. Лицедействовал, правда, всегда почему-то я один. За мои детские и непонятно откуда берущиеся импровизации, мне тогда даже кличку «секретную» дали, прочно закрепившуюся затем на многие годы – «балаболя». Тогда я не обижался, не обижаюсь и сейчас, тем более что отработал её в своей жизни сполна, пятнадцатью годами на местном и областном радиовещании.

А вот артистом так и не стал. Последнюю в своей жизни настоящую театральную роль – роль Загорецкого – картёжника, лгуна и вора исполнил в десятом классе. Тогда наш школьный театральный кружок поставил знаменитую грибоедовскую комедию «Горе от ума». И всё что осталось в памяти от той нереализованной мечты единственная фраза моего неположительного героя: «На завтрашний спектакль имеете билет?».

Ну а в перерывах между нашими детскими «представлениями» все мы – и зрители и «артист», совершали набеги на огромные коммунальные кухни. Тогда даже самый обычный керогаз, мигающий голубым огоньком, казался нам настоящим чудом техники. За наши похождения нас обычно не ругали, просто не видели. Ведь взрослые шесть дней в неделю были на работе, а малышня оставалась на попечении бабушек, которые тоже иногда с удовольствием слушали мою детскую болтовню или мирно посапывали дневным сном.

Теперь, может быть, не закопает свой талант хотя бы мой внук. У него это здорово получается. Почти как когда-то у меня. Только вот жаль, таких костюмов для выступлений у меня не было. Пусть говорит спасибо маме – костюмы дело её рук, а роли всегда найдутся: пиратов, бураатино, мушкетёров. Главное, не забалаболить самого себя, чтобы жизнь не превратилась в своеобразную игру. Тогда жить будет, ох как сложно!

Но однажды дом открыл нам большую тайну. А тайна эта долгие годы тихо пылилась на темном чердаке, куда мы с моим другом Серёжей Кононовым (будущим тихвинским художником) иногда совершали свои «походы». Ради любопытства. И вот среди кип старых газет и журналов, ещё дореволюционных, нашли как-то с полдесятка красивых и очень тяжелых фолиантов на незнакомом для нас языке. Авторов и не спрашивай, не помню, но зато год издания врезался в память четко – 1791. Позже я узнал, что это год Великой французской революции. Как попали на чердак французские книги, кому принадлежали, теперь задавать вопросы бессмысленно. К сожалению, через год-другой после этой находки наш дом поставили на трехлетний капитальный ремонт, на эти три года уехал и я, а найденные раритеты бесследно исчезли.

И ещё немного о грустном. Время не сохранило дом №45, как и остальные по нашей улице. Дом заменили новостройки, его жильцы разъехались кто куда. Не сохранилось, к сожалению, и тех детских рисунков Серёжи Коконова, которые он мне дарил как другу. Даже моя детская кличка хранится теперь лишь где-то в потаённом уголке моей памяти.

Глава пятая. Красноармейский рубеж

Были в 50—60-е годы такие замечательные артисты разговорного жанра – Штепсель и Таранушка. Вряд ли они когда-то бывали в Тихвине, но город наш прославили. Точнее не город, а мост через Вязитский ручей, который и до сих пор стоит после той «прославленной» реконструкции. Смысл же их давнего сатирического пассажа был примерно такой.

Вопрос: где находится самый длинный мост в СССР? Ответ: в Тихвине! И резюме: строят его уже много лет, а с берега до берега всё достроить так и не могут.

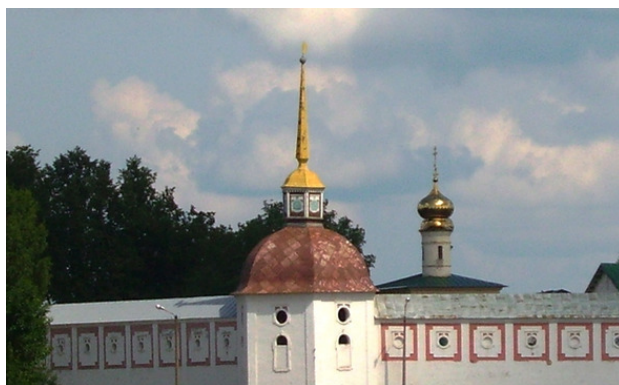
Вот насколько широким был в то время наш Вязитский ручей! (шутка). Но то, что в этой шутке большая доля правды подтвердит любой старожил. Я же вспомнил об этом «строительстве» только потому, что именно Вязитский ручей делил нас мальчишек, живущих на главной улице города, на «своих» и «чужих», хотя в школу нам приходилось ходить именно на «чужую» сторону.

Зато на «нашей» стороне тоже было немало интересного. Взять хотя бы великолепную крутую горку как раз за мостом (почти на месте нынешнего Дворца Культуры). Такой горки, пожалуй, в городе больше и не было, если не считать Фишовицу. Но уж больно это было далеко от центра по нашим тогдашним детским меркам. Конечно, её крутизна в зимнее время радовала только нас детишек, когда при хорошем разгоне, пусть даже на собственном «мягком месте», легко можно было проскочить весь ручей, минуя «горбатый» мостик, прямо на Московскую улицу. Ни разбитые носы, ни прочие ушибы не могли лишить нас подобного удовольствия.

Рядом с горкой стоял большой двухэтажный каменный дом и такой же на противоположной стороне. Вот с этих двух каменных «гигантов» непонятного грязно-жёлтого цвета и начиналась «наша» вотчина, где почти каждый дом – очередное воспоминание...

«Старая» улица, конечно, исчезала не сразу. Она ветшала и умирала постепенно и исчезала под неумолимым натиском новостроек. Особенно помню, расположившийся как раз на берегу ручья огромный «зеленый» (впрочем, почти все остальные «большие» дома на улице непременно почему-то также были зелеными!) двухэтажный дом, где жил старик-портной, «справивший» мне, между прочим, самое «эксклюзивное» в моей жизни зимнее пальто из невесты как сохранившейся ещё со времен первой мировой войны самой настоящей и очень прочной немецкой шинели. Правда, о немецком происхождении моей обновы меня тогда попросили помалкивать. Мало ли что могут подумать. Так до сегодняшнего дня я о ней и не вспоминал даже. Хотя пальто, честно скажу, было сшито замечательно! Такие вот были у нас старые мастера. Жаль только, что не помню ни имени его, ни фамилии...

На Красноармейской улице у меня было ещё одно очень памятное место, где я с удовольствием проводил своё детское время вплоть до зачисления в первый класс. Конечно, даже дети скажут сразу – это детский сад! Находился он в старом здании на углу с улицей Труда. Мой же детский труд заключался лишь в одном – усердно есть кашу, чтобы мама не расстраивалась по поводу моего тощего вида! Я кашей так и не откормился до сих пор. Но зато несколько лет был бессменным «Новым Годом». Не Дедом Морозом, конечно, а его внуком. И как бы сказал мой Саша: клёво! Упиралась Красноармейская прямо в башню монастырской стены и в этой стороне мы ещё бываем. И я тебе ещё обязательно расскажу о наших детских похождениях и в монастыре и на Таборах

Одна из крепостных башен монастырской стены

А пока вернёмся на улицу Маркса. Было здесь и нечто такое, что до сих пор вызывает у меня противоречивые чувства. Кажется, стоит только закрыть глаза, как тут же вновь услышу нетрезвый гул голосов, доносящихся из подвала-кабака. Увижу, тоскливо ожидающих своих полупьяных кучеров, лошадемок, небрежно привязанных к огромному, предназначенному именно для этих целей бревну. А может быть, увижу и себя, отправленного матерью на поиски «загулявшего» отца, и терпеливо ожидающего его выхода из подземелья, часами рассматривая в тут же рядом примостившемся около огромной лужи ларьке, его скудный советский ассортимент.

Но чаще, конечно, я здесь бывал совсем по другому поводу. Это сегодня трудно представить, чтобы какая-нибудь совсем небольшая организация имела собственную библиотеку, причем, позволяла быть в ней читателями всем жителям округи. Но тогда было совсем другое время: читающее! Тяга к книгам всё-таки пересилила детский страх и однажды, набравшись смелости, мы с моим другом поднялись – таки по старой скрипучей лестнице дома, находившегося как раз рядом с хорошо известным мне кабаком, туда, где нас ожидала настоящая кладовая книжных сокровищ. В узком коридоре было много дверей с табличками: «директор Тихвинского лесхоза», «Бухгалтерия», «Библиотека профкома». Кто такой «профком» нас особо не интересовало. Главное, мы нашли то, что искали. Потом ещё лет десять я часто приходил сюда. Но это уже совсем другая история о которой я обязательно расскажу в одной из следующих глав.

К гл. 6. Таборы – это не только озеро, но и мини-торговый центр, который уютно расположился на улице Советской – совсем рядом с нашей водной достопримечательностью

Глава шестая. Таборы

Три года моего вынужденного отсутствия в кругу мальчишек с улицы Карла Маркса дало возможность поближе познакомиться с другими местами родного города, обрести новых друзей, набраться незабываемых впечатлений.

Нашим новым жилищем на всё это время стала неказистая избушка на улице Луговой. Не скажу, что этот район города был мне совершенно не знаком, ведь куда только не заносило нас с прежними друзьями в наших прогулках. Здесь же моим основным гидом стал мой ровесник Миша Логинов, приятель по школе и знающий как ни кто все «тайны» в округе.

Достопримечательностей вокруг, действительно, оказалось немало, как и приключений. До позднего вечера на высоком берегу Тихвинки, откуда совсем рядом чернел своими полусгоревшими куполами Успенский собор, мы часто играли с ребятами в «войнушку», любимую игру нашего поколения. Нередко находили гильзы, осколки снарядов, пробитые каски и даже самый настоящий немецкий «шмайсер». Почти всё сдавали в наш школьный музей боевой славы, который впоследствии станет основой возрождённого в те годы городского краеведческого музея.

В этом году, когда город отмечал 500-летие Успенского собора, я с особым душевным трепетом прогулялся по территории обновлённого монастыря. Перед глазами вставали картины полузабытого детства. Помню, как мы часто лазали по полуразрушенному собору, тайно проникая внутрь, в почти полной темноте, то и дело натываясь на огромные надгробные плиты. Самые смелые из мальчишек пытались вскарабкаться на продуваемые всеми ветрами, продырявленные пулями и осколками, огромные соборные купола.

Вот такие у нас прекрасные Таборы!

И всё же главным нашим увлечением с Мишкой стала рыбалка. Ведь кроме реки совсем под боком у нас было ещё три водоёма. Безымянный пруд, как раз за огородом моего друга, монастырское озерко и Таборы. После моего появления на Луговой, на реке, по которой ещё плавали баржи и сплавляли лес, разразилась самая настоящая катастрофа. Всю рыбу потравили где-то в верховье. Было страшно смотреть, как однажды вся река от берега до берега вдруг покрылась всплывшей на поверхность рыбой, и она всё плыла и плыла по ней несколько дней и ночей. С тех пор столько рыбы в Тихвинке уже никогда не было.

А моё тогдашнее пристрастие к рыбалке, пусть и не продолжительное, проявилось совершенно случайно. Однажды на мишкином огороде увидел я огромную металлическую бочку, в которой обычно держат про запас воду для полива грядок. А в ней, почти как в аква-

риуме, настоящих живых серебристых карпов. Ты можешь не верить мне, но эти карпы водились и в пруду и в монастырском озерце. Правда, скажу честно, сколько я их не ловил, так ни одного и не поймал.

Таборы – городское озеро около монастыря

Таборы, которые сегодня я бы назвал самым настоящим «сакральным» местом, казались тогда не совсем такими, как сейчас. Было в них, густо поросших тростником и осокой, что-то притягательное, манящее в путешествие в таинственный и неизведанный мир. Именно подобные чувства обуревали нас с Мишкой. И однажды мы решились. Соорудили плот и отправились. Окончилось всё очень печально – мы прочно застряли посередине озера в камышовых дебрях. Потом нас долго искали – родители, милиция, скорая помощь. Нашли лишь за полночь. Что было с нами дома, рассказывать не буду. И так, думаю, понятно.

Сегодня ухоженные и облагороженные Таборы, совсем не напоминают далёких картинок из детства. А лодочки, катающихся в тихую погоду горожан по глади озера, это уже из другой – более взрослой жизни.

Глава седьмая. Мой книжный мир

Кстати, мой юный друг, ты уже достаточно взрослый, чтобы читать книжки и даже ходить в библиотеки. И я уверен, что ты сможешь назвать две-три, уже знакомых и тебе. Правильно, сможешь. Я тоже входил в свой книжный мир постепенно, а через два три года список моих библиотек, которые я открыл для себя, насчитывал, наверное, не меньше десятка! Так что в этой главе приглашаю тебя в небольшое путешествие в уже не чужой тебе, но, безусловно, волшебный книжный мир.

В этом здании в 50-е годы была городская детская библиотека.

Однажды, когда в первом классе мы наконец-то самостоятельно преодолели главную тогда для нас книгу – «Букварь», наша учительница Лидия Ивановна Писарева объявила: идём записываться в детскую библиотеку. Оказалось, что из нашего класса там не был никто. Библиотека находилась тогда на углу улиц Московской и Советской в старинном здании на первом этаже. Едва мы вошли в двери – сразу увидели книги. Много много. Они аккуратно стояли на бессчётном количестве стеллажей. Конечно, свою первую библиотечную книжку я уже и не помню, как и имена и фамилии милых библиотекарей, с которыми сдружился надолго – почти до ухода в армию.

И это был по настоящему волшебный, как я уже сказал, мир, в котором можно было задержаться и на пять минут, чтобы лишь сдать и взять очередную книжку по школьной программе, и на час и два. Особенно зимними днями, когда на улице было особенно холодно, а здесь тепло и уютно. Читальный зал был куда-более домашним – с мягкими креслами, старыми резными стульями. А что сегодня? Одни скучные стандартные столы, видимо, чтобы ничего не отвлекало пришедших от чтения. Мы же в том, нашем читальном зале, больше не читали, а слушали, рассказывали сами, и иногда даже пили чай. Конечно, с конфетами, а как ты думал? Впрочем, иногда помогали нашим старшим друзьям – протирали корешки книг, стеллажи, если нас просили.

Но свои самые интересные книги я нашёл совсем не в этой библиотеке. Оказывается, детские книжки можно было брать в библиотеке, которая находилась всего в нескольких домах от моего и принадлежала Тихвинскому лесхозу. Возможно, я что-то не много путаю, но директором в то время там был Анатолий Михайлович Мысик, с которым мы с тех пор так и знаем.

Это старое двухэтажное здание почти на перекрёстке улиц Красноармейской и Маркса внешне было примечательно, пожалуй, лишь своей громадной скрипучей лестницей на второй этаж. Но зато там на втором этаже – была библиотека! В которую меня тут же записали под поручительство мамы моего школьного товарища – оказывается она здесь работала. Никакого читального зала, естественно, не было, но зато были ещё довоенные издания

Жюль Верна, Артура Конан-Дойла, Александра Дюма. То есть всё то, чего и в помине не встретишь в школьной программе по литературе. И ещё много лет, пока я ни уехал в первый микрорайон, именно отсюда я приносил самые толстые тома «недетской» литературы. И порой так зачитывался ими, что однажды, правда, единственный раз прогулял целый день занятий в школе. Уж так, помню, хотелось дочитать о приключениях Д. Артаньяна! Тем более, что фильм про трёх мушкетеров, который тогда, наверное, целую неделю демонстрировался в кинотеатре «Комсомолец», мы, мальчишки, посмотрели раз по пять.

Литературные пятницы в творческом объединении «Творянское собрание». Презентация поэтических сборников в районной библиотеке им. И. П. Мордвинова. 15 января 2016 г.

Ещё об одной библиотеке я вспомнил уже в классе пятом, хотя впервые побывал в том здании совсем маленьким – на новогодней ёлке со своим папой. Видимо, он здесь тогда работал. А потом уже после окончания 1 класса, осенью, скорее всего на очередную годовщину Октября, меня привёл сюда отец – на торжественное собрание, хотя оно мне было нисколько не интересно. В огромном, как мне тогда показалось, зале вдоль стен до самого потолка стояли стеллажи, а на них книги, книги, книги... И вдруг называют меня по имени. Помню, отец подталкивает, выходи, мол. Выхожу. И какой-то дядька что-то мне говорит и вручает большую красивую книгу. Потом уже я увидел и надпись «за отличную учёбу» и большую круглую печать с чьей-то подписью. И это был первый из немногих подобных подарков в моей жизни. А потом пришлось его «отрабатывать» всю начальную школу на одних пятёрках.

И всё-таки, как я уже сказал, в этой библиотеке, в давно уже не существующем доме на сегодняшней Знаменской улице, я всё-таки побывал снова, а потом ещё и ещё. Даже не из-за надобности, а скорее из любопытства. И находился там иногда часами. Не столько читая, сколько перелистывая красивые фолианты и просто рассматривая картинки.

А ещё, скорее всего по воле случая, самостоятельно стал формировать и собственную библиотеку. Было это, наверное, когда мне исполнилось лет тринадцать. Единственный тогда в городе книжный магазин располагался в Гостином дворе на площади Свободы. И однажды в нём я стал участником розыгрыша моментальной книжной лотереи, которая тогда часто проводилась по всей стране. Всего за 50 копеек можно было выиграть сумму на которую приобрести одну, а то и несколько книг.

Не могу сказать сколько недель мы с друзьями с азартом проигрывали здесь наши школьные завтраки. Иногда выигрывали даже рубль! И вот однажды открываю я в очередной раз заветный пакетик, а там – максимальный выигрыш – 50 рублей – больше половины зарплаты за месяц моих родителей. Денег, конечно, не дали, но зато книг столько, что и за год едва ли можно было прочитать. Вот так и появилась у меня своя библиотека: и сказки, и классика и много ещё чего. Одним словом, мой личный книжный мир.

Но долго не было в нём книг с настоящей, а не подрихованной под правду историей: Карамзина, Соловьёва, Костомарова, Ключевского... Теперь эти книги у меня есть – для внука, если он, конечно, как и всё нынешнее молодое поколение, не предпочтёт труд ума труду созерцания.

Глава восьмая. Тимур и его команда

Первый институт, в который я поступал после школы был педагогический. И это был не случайный выбор. Как мне тогда казалось, даже некоторый опыт педагогической работы был. И вот летом за год до окончания школы я самостоятельно «сколотил» свой собственный отряд из знакомой ребятни. Видимо, так меня впечатлил Гайдар своим Тимуром. Вот как это было.

Каждое лето своего октябрятско – пионерского детства я, как и многие из моих школьных друзей, проводил в пионерских лагерях. Смены там проходили интересно, но однообразно. И так из года в год. Поэтому про манную кашу по утрам и кисель на ужин рассказывать не интересно. А о каких-то «приключениях» – боже упаси – нас из лагеря вмиг бы «выперли», да и родителям нагоняй на работе бы ещё дали за плохое воспитание советских детей. Лучше посмотрите замечательный фильм про всё это с Евгением Евстигнеевым – «Добро пожаловать или посторонним вход запрещён!» и всё увидите сами. Так было во всех пионерских лагерях. Конечно, отбывая эту пионерскую повинность, нам, особенно мальчишкам, всегда хотелось чего-нибудь другого. Чего, впрочем, и сами мы толком не знали.

А так как в школе я всегда был в рядах активистов, что мне ничуть не мешало, как и остальным, получать массу доек по основным, но мне не интересным, предметам, в разных классах по мере собственного взросления, занимался я и первоклашками и ребятами чуть постарше, ведя шефскую работу. Но это тоже была нужная, но скучная для меня работа. К моему окончанию девятого класса вместе с загородными лагерями стали организовываться пионерские лагеря дневного пребывания при школах, видимо, детей в те годы подросло очень много. В таких городских лагерях почему-то всегда было больше мальчишек. Учились они в основном в 3—5 классах. Наверное, родители решили, что так для них будет спокойнее. Но всё равно многие из них, особенно на дальних улицах «пьяной деревни» оказались не пристроенными. А я в то лето как раз часто бывал в тех местах у моего одноклассника Юры Чупышева и всех тех мальчишек знал хорошо. И вот однажды уговорили меня эти мальчишки организовать свой «гайдаровский» отряд на остаток летних дней.

Я и согласился по своему ещё детскому максимализму. Правда, никого из взрослых комсомольских «начальников» не предупредил – не зря же говорят – инициатива наказуема. Тем более, что считал себя вполне взрослым – в августе должен был получить паспорт. Место для «штаба» нашли быстро – опять же у моего одноклассника Юры Чупышева в доме на самой окраине самой последней улицы, но вот только название её так вспомнить и не могу. Набралось в нашей команде человек пятнадцать. собирались с утра до обеда и после часового перерыва часов до шести – семи вечера, кроме воскресенья. А так как я был идейный молодой человек – все, даже я, в дни наших сборов приходили в пионерских галстуках.

Начали с бытовых вопросов, ведь наш штаб обязан был выглядеть респектабельно. Прибрали двор, подремонтировали, как умели, крыльцо. А потом пришёл черёд всей улицы на которой и было то домов двадцать. Удивительно, никто не ныл, никто не уходил, хотя и мог бы. Всем почему-то было интересно. Это сейчас я понимаю, почему. Над нами не взидало око старших, никто нам не указывал и у нас была полная свобода выбора. Так мы за лето прибрали практически все дворы, а взамен этого у всех чаёвничали с очень вкусными пирожками и булочками.

Но это была лишь небольшая часть наших отрядных будней. Конечно я уже никому собственных «спектаклей» не показывал – то время давно прошло. Но раз в неделю обязательно собирались вечером у костра. Даже площадку для него сделали в метрах пятидесяти от штаба на берегу Вязитского ручья. Но «взвейтесь кострами» не пели – в основ-

ном по детски трепались, рассказывая друг другу различные небылицы. Однажды, увидев, как на соседнем берегу пожарные тушили огонь на кучах опилок от деревообрабатывающего комбината, все вдруг захотели стать пожарными. Не смейтесь, но на следующее утро весь отряд вместе со мной пошёл записываться в пожарные. Записали! Всех. И даже значки и удостоверения выдали – «ЮДПД». Можно расшифровывать эту аббревиатуру по разному. Например, «Юношеская добровольная пожарная дружина». Обязанности юных пожарных мы исполняли регулярно – получали пачки листов с правилами пожарной безопасности и разносили их по квартирам. Так что, если говорят, что современная уличная реклама у нас появилась лишь в сегодняшней России – не правда!

Вот на этом корабле наша команда совершила своё первое самостоятельное путешествие

Самый же экстремальный случай произошёл уже в самом конце того лета. Уговорили наконец-то родителей, под мою почти совершеннолетнюю ответственность, отпустить нас на целый день в поход за город – на Костринский шлюз. Туда надо было добираться на катере «Бережок», который ходил два раза в день от причала напротив химзавода. Я и сам в тех местах был всего один раз, когда нас вывозили туда всем детским садом. Места, действительно, замечательные, особенно, когда плыли вдоль незнакомых нам полей и лесов. Отдохнули весело. Съели всё, что дали заботливые родители. В 16 часов пришёл наш катерок.

Вот в таком возрасте была и наша «тимуровская» команда – только интересы были у нас несколько иные

Пересчитал я свою команду – не хватает одного, а время плыть. Оставил я Юру с остальными, а сам искать пошёл. Нашёл минут через двадцать, но для меня прошла, наверное, вечность. Дремала наша потеряшка под малиновым кустом с перепачканным ягодами ртом. Капитан нас, пожурил немного, но сказал что ждал бы столько сколько надо. И даже сам собирался на поиски. Других взрослых, кроме ещё одного паренька-матроса, в том рейсе не было – середина недели и все, как полагается, были на работе. За свою тайную тимуровскую деятельность я всё-таки получил нагоняй в Горкоме комсомола, где мне сказали коротко: «Не положено!» зато в школе объявили благодарность по просьбе наших знакомых бабушек. Да и откуда они знали, что помогать старым людям – не положено...

К следующему лету я закончил школу. В июне сдавал выпускные экзамены. В июле – вступительные – на исторический факультет педагогического института. Так что со своей командой, получается, я тогда расстался навсегда.

По нынешней Тихвинке «корабли» давно не ходят. Смотреть на красоту теперь надо пешком

Глава девятая. Как мы в Тихвине «гуляли»

Самым любимым местом массовых гуляний тихвинского народа в 50—60-е годы была городская площадка отдыха лесохимического завода – настоящий местный ЦПКиО. Это уже позже, в середине 70-х она начала терять свой особый шарм и праздники постепенно переместились на площадь Свободы, потом к Дворцу культуры Тихвинских производств объединения «Кировский завод», а теперь и совсем в район Таборов. Так что, может, прогуляемся в ЦПКиО моего детства?

Сразу скажу, что там, куда я тебя пригласил, сам не был последние лет двадцать, хотя и город у нас маленький. Как-то не получилось, так что остаётся только вспоминать, а не сравнивать. Замечательное, впрочем, было место. Окружённое со всех сторон водой с аккуратным мостиком как раз у центрального входа. Первое, что вспоминается – мороженое и аттракционы – это для самых маленьких. Для тех, кто постарше – танцевальный павильон, спортивная площадка. Для совсем уже старших – скамеечки в тени берёз и открытая эстрада для различных официальных и не очень мероприятий. Да и сервис был приличный – не выходя с этого островка отдыха и развлечений, можно было и перекусить. В летние выходные дни мои родители любили сюда приходить почти на целый день. Разрешалось мне многое, кроме катания на лодке вокруг этого островка. Поэтому, когда здесь появилась лодочная станция точно сказать не могу. Но и на суше было полно интересного. Поэтому я очень любил гулять по тропинке вокруг островка среди многочисленных кустов, многие из которых были больше моего тогдашнего роста. Почти настоящие джунгли, только без обезьян и тигров.

Теперь и у нас есть свой восточный базар с верблюдами...

Конечно, всё зависело от того, кто что отмечал: железнодорожники, химики, медики или работники советской торговли. Но самое большое гуляние здесь всегда было в последнее воскресенье июня – в День советской молодёжи. А по вечерам на остров толпами шла молодёжь, особенно, когда были танцы. Об этом тоже не могу ничего сказать – тогда ещё возрастом не вышел и танцы меня не интересовали.

Мне тогда, как и сегодня моему внуку, были куда более интересными цирковые представления. Правда, за всю свою детскую жизнь я помню лишь единственный цирк-шапито, который располагался как раз на месте этого верблюда на фото. Но вместо двугорбого представителя пустыни выступали самые настоящие русские мишки, которые катались

на самых настоящих мотоциклах. Причём, почти под самым куполом. Восторгов было море! Теперь же в Тихвин цирк приезжает чуть ли не каждый месяц. И нынешних детей им не удивишь.

В отличие от меня моему внуку Александру давно известны все закулисные тайны концертных выступлений

Для всех официальных «красных» праздников предназначалась площадь Свободы. И здесь тоже при немалом скоплении народа проходили концерты художественной самодеятельности, почти также, как и сегодня, играл духовой оркестр. Истинную любовь тихвинцев к подобным действиям я однажды ощутил на себе. И надо же было мне, в классе четвёртом или пятом заняться сочинительством. Вот и попал в день 9 мая прямо на сцену. Как я прочитал своё единственное стихотворение не помню. Знаю, что читал, видел, что аплодировали. И больше ничего – так я был напуган бесчисленным количеством людей, слушавших тогда мой опус.

Сегодня площадь Свободы остаётся для тихвинцев местом проведения митингов и праздников

Сегодняшняя площадь от той старой, конечно, отличается. И стала она, вроде, больше, а народа на ней в праздничные дни всё меньше и меньше. Да и праздники были у нас хоть и попроще с точки зрения внешнего антуража, но всё равно какими-то более добрыми и весёлыми. Да, чуть не забыл вспомнить про Летний сад, о котором, уверен, даже вполне взрослые тихвинцы, и не слышали. Хотя и сада как сада давно уж нет – одна ограда со стороны Советской улицы. А тогда здесь было всё, что полагалось городскому саду – Летняя эстрада, большой закрытый концертный зал, скамеечки, скульптуры типа «дамы с веслом», большие вазоны. А по дорожкам неторопливо расхаживали добропорядочные горожане. И я ни сколько по этому поводу не язвлю.

День города в Тихвине теперь по традиции начинается у стен Успенского Собора

Праздник на площади Свободы в честь возвращения в Тихвин Иконы Божией Матери Одигитрии. 9 июля 2004 года

Глава десятая. Улицы, которых нет

Улицы моего детства. Я и сам уже стал забывать названия некоторых из них. А ведь надо бы вспомнить. Потому что без них мой рассказ о городе, которого нет, вряд ли будет полным. А недосказанность я не люблю. На этих исчезнувших улицах прошло всё моё детство. Хотя, если честно, уличным мальчишкой с уличным воспитанием я никогда не был. Эти улицы были естественной средой моего детства. Да и гулять на них было одно удовольствие – без современных бензиновых ароматов и армады автомобилей, чего мы в своё время даже представить не могли.

Улицы старого Тихвина были тоже очень похожи друг на друга. Поэтому имя этой улицы теперь наверное в современном городе уже не вспомнит никто

Главной моей улицей детства была всё-таки не Карла Маркса, на которой стоял наш дом. А совсем другая – рядом, стоило лишь пойти на лево и тут же свернуть за угол соседнего дома. Она и по ширине и по обустроенности проезжей части, заметно уступала и Красноармейской и Полевой, которые перпендикулярно пересекали мой «марксистский проспект» с его мощной булыжной мостовой. И называлась она также чисто по-советски – улицей Первомайской. На ней я проводил с друзьями, пожалуй, больше времени, чем на какой-либо другой. На ней можно было с утра до позднего вечера бегать и играть в любимую «войнушку» совсем не боясь попасть под какой-нибудь заблудившийся грузовик. Да и примечательна она была не домами, дома как дома – обычные, чаще одноэтажные, а друзьями, которых здесь было полно. Ну ещё, пожалуй, садами и огородами, на которые мы иногда нет-нет да и совершали набеги – за яблоками.

А ещё на этой улице как раз на углу с улицей Маркса стоял большой дом. Не помню кто в нём жил и как мы однажды в него попали. Но зато там был самый первый и, может быть, единственный во всей нашей округе телевизор. Самый настоящий – с очень маленьким экраном и огромным увеличительным стеклом. На некоторое время это чудо техники нас, мальчишек, просто покорило. Правда увидеть в нём что-то чёткое было достаточно сложно – ведь до появления ретранслятора в Тихвине ещё было более 10 лет. Но вернёмся на улицу.

Если пойти по ней в одну сторону – придёшь к ручью с небольшим родничком. Можно покидать, камни, а летом даже искупаться в прекрасном «лягушатнике» как раз под наш возраст. Ну а дальше была «запретная зона»: огороды, кустарник и горы опилок от деревообрабатывающего комбината. Но нам там было, почему-то, совсем не интересно.

В другую сторону, минуя улицы Социалистическую, Устюженскую, Труда, Делегатскую, Ильинскую, Луговую, сразу же попадали на высокий берег Тихвинки. Но туда мы ходили редко, если только подраться – это была территория чужих мальчишек. Хотя и инте-

ресного было больше. Можно было просто покопаться в старых, оставшихся ещё от войны траншеях и найти что-нибудь вроде ржавых винтовочных гильз или пробитой осколком немецкой каски. А можно было опуститься к реке – особенно в период лесосплава и попрыгать вдоволь на крутящихся брёвнах. Если, конечно, взрослые не поймают.

А однажды ранней весной наш поход на реку стал настоящим приключением. Только мы успели придти на берег, совсем близко от нас что-то грохнуло так, что мы перепугались не на шутку. Такого взрыва мы никогда в жизни не слышали. Но детское любопытство перебило и мы побежали в сторону откуда пришёл к нам тот страшный звук. К сожалению спуститься по берегу нам удалось лишь до ближайшего шлюза. Весь монастырь был затоплен водой. А вся река плотно забита льдом, словно мы попали в Арктику. Лёд был весь какой-то вздыбленный, но мы по знакомой, уже еле видимой зимней тропке, быстро форсировали неожиданное препятствие. И тут опять грохнуло.

Советский мост, где взрывали ледяные заторы и катали нас через реку на «амфибии»

Оказалось, у Советского моста скопилось столько льда, что потребовалась помощь взрывников. Ну, а они постарались. Правда, ещё одного взрыва мы так и не увидели. Зато пустили нас прямо к мосту. То ли льдины, то ли взрывы повредили таки деревянные опоры моста. Потом уже летом здесь начали строить мост, сначала временный, а потом и постоянный, который стоит и сегодня. Но так как через повреждённый мост на другую сторону нас так и не пустили, солдаты перевезли нас на своём «бэтээре» прямо по льду реки. Вот было здорово!

Иногда ходили в «пьяную деревню», но только ватагой и обязательно вооружённые палками. Там нас тоже почему-то не очень любили. Жаль, конечно, что среди современных зданий весьма трудно найти сегодня знакомые с детства места. И тем радостнее, когда вдруг встречаешь кусочки нетронутого, забытого прошлого. На сегодняшние же дома смогут посмотреть даже внуки наших внуков. Но только они им ничего не расскажут, а будут лишь самыми обычными домами.

Сергей и Александр – мы стали друзьями на улице Школьной

Но из всех забытых и исчезнувших улиц моя память всегда будет выделять одну с названием, которое есть, пожалуй, в каждом провинциальном городе и городке – Школьная. И не столько потому, что именно здесь на углу с улицей Карла Маркса в здании, где сейчас находится сервисный центр магазина «Патент», я начал свою школьную жизнь в далёком 1958 году, а потому, что именно здесь встретил человека, который на всю мою жизнь был и остаётся моим единственным другом, не смотря на всевозможные перипетии, которые произошли с нами за все эти годы. А жил он как раз на этой Школьной улице, которая по значимости для меня не уступала улице Первомайской, о которой я уже говорил. Здесь я практически вырос, здесь же незаметно перескочил из детства в юность. Жаль, что сегодня той части улицы тоже уже нет, как и нет многих школьных друзей, живших на ней.

Кстати, именно люди с именем Александр чаще всего определяли мои стратегические направления в жизни. Мой малолетний братик Саша за год своей короткой жизни уже в моём раннем детстве заложил в меня такие понятия как одиночество и любовь к ближнему своему. Мой друг со Школьной улицы поддерживал во мне внутреннее ощущение, что я всегда могу на кого-то положиться в самые трудные минуты жизни и всегда найду понимание. Мой духовный наставник отец Александр (Ваховский) одним своим присутствием где-то в этом городе, придаёт мне внутренние силы и ощущение нужности людям и богу. Ну и наконец – мой внук Александр – наполнил меня цельностью жизни – зачем и для кого жить. Без всего этого любой человек просто не состоит в этой жизни.

Глава одиннадцатая. «Любовь» по переписке

Однажды, когда я учился в пятом или шестом классе, на моё имя стали приходить странные письма из-за рубежа. Письма без адреса. В лучшем случае в них было написано: «СССР. Ленинградская область». Иногда писали и город. Но никогда, пока я на них сам не отвечал, ни улицы, ни дома. Причём, все письма только от девочек. Удивительно, но мою фамилию и имя они писали всегда правильно и без ошибок.

А началась эта история ещё чуть ли не в первом классе. Едва мы научились писать и читать, как нас сразу включили в обязательную, видимо, переписку с китайскими школьниками. Про нашу тогдашнюю дружбу мы как-то и вообще не думали. Но и письма по китайски в школе тоже не смог прочитать никто. Вот так и переписывались, сначала по отдельности, потом классом пока всё это само собой не сошло на нет.

Конечно, предложение дружить для меня было полной неожиданностью. Но мои незнакомки из ГДР, Польши и Югославии оказались весьма предусмотрительными. Писали всё-таки по-русски, и их письма читать было ну очень весело! Но главное – они присылали и своё фото! Отвечать всем было весьма разорительно, а если ещё и с фотографиями. Был период когда в месяц приходило по несколько десятков писем. Так что мой адрес почта выучила хорошо, хоть укажи только фамилию да страну. В конце концов у меня осталось всего-то – три или пять заграничных подруг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.